

ДАРЬЯЛ — «ВОРОТА АЛАН»

А. А. Туаллагов

Статья посвящена проблемам строительства и функционирования Дарьяльского укрепления. Анализ различных источников позволяет полагать, что первые оборонительные укрепления центральной транскавказской магистрали были сооружены на ее южном закавказском участке. Их строительство и контроль относится к деятельности Селевкидов и римских правителей. Только после подчинения Восточного Закавказья Персии и обострения ситуации для закавказских владений Персии и Византии в связи с вторжениями с Северного Кавказа встал вопрос о совместном возведении и содержании Дарьяльского укрепления. Оно было возведено персами в период правления Ездигерде I между 413-414 гг. и 421 г. Впоследствии оно укреплялось Кавадом I и Хосровом I Ануширваном. Свое название — «Ворота алан» — укрепление получило по названию места своего возведения, которое еще ранее было дано ему теми же персами. Укрепление функционировало за счет субсидий, предоставляемых обеими империями, а ее гарнизон, кроме собственно персов, набирал и из числа местного населения. Непосредственным руководством укреплением занимались персидские наместники, которые могли назначаться и из числа правителей вассальных владений Закавказья. В целом персы рационально использовали для службы в гарнизоне и для контроля на Дарьяльском ущелье контингенты из числа местных жителей. Дарьяльское укрепление служило северным оборонительным рубежом персидской провинции, в которую были включены закавказские образования Картли, Албании и Армении и горные районы, население которых, например, в Дарьяльском ущелье, оставалось независимым от Картли, в конечном итоге потерявшей и собственный государственный статус.

Ключевые слова: персы, аланы, письменные свидетельства, Ворота алан, оборонительная линия, Кавказ.

The article is devoted to the problems of construction and functioning of the Darial fortification. Analysis of various sources proves, that the first defensive fortifications of the Central Transcaucasian highway were built on its southern Transcaucasian section. Their construction and control refers to the activities of the Seleucids and the Roman rulers. Only after the submission of the Eastern Transcaucasia of Persia and with the aggravation of the situation for Transcaucasian possessions of Persia and Byzantium as a result of the invasions from the North Caucasus, the question about the joint construction and maintenance of the Daryal fortification arose. It was erected by the Persians during the reign of Ezdigerde I between 413-414 and 421 years. Later it was strengthened by Kavad I and Khosrow I Anushirvan. The name — «The Gate of Alans» — fortification got after the name of the place of its erection, and had been earlier given to it by the same Persians. Strengthening functioned at the expense of subsidies provided by both empires, and to the garrison, in addition to the Persians proper, local residents were recruited. Direct supervision of the fortification was carried out by the Persian governors, who could be appointed from among the rulers of the vassal possessions of Transcaucasia. In general, the Persians rationally managed local residents for the service in the garrisons and controlled the Darial Gorge. Darial strengthening served as the Northern defensive border of the Persian provinces, which included the Transcaucasian formations of Kartli, Albania and Armenia, and mountainous areas, where the population, for example, in the Darial Gorge remained independent of Kartli, in the end, eventually losing its own state status.

Keywords: Persians, Alans, written evidence, Gate of the Alans, defense line, Caucasus.

Издревле горные проходы Кавказа служили естественными связующими путями, по которым осуществлялись разнонаправленные миграции разноэтничного населения, культурные, торговые и иные обмены и взаимодействия. Они же имели особо важное военно-стратегическое значение, которое усиливалось по мере становления государственных образований в Закавказье, нуждавшихся в эффективной защите как от прорывавшихся за добычей воинов из числа горных племен, так и племен, обитавших в предгорьях и степях Северного Кавказа. С другой стороны, установление такого оборонительного контроля позволяла тем, кто его осуществлял, получать материальные выгоды от торгового транзита и политические выгоды от предотвращения или, наоборот, привлечения воинских сил воинственных соседей. Особая страница истории вторжений с Северного Кавказа была открыта после появления на его просторах воинственных скифов, за которыми шли сарматы, аланы и иные народы, особо выделявшиеся воинским искусством своих всадников.

Один из известнейших путей с Северного Кавказа в Закавказье шел через Дарьяльское ущелье, которое так и называлось осетинами — Дайран, Дайраны ком — «Дарьяльское ущелье» (от перс. Dar-i-Alānān — «Ворота алан»), Дайраны нараг — «Дарьяльская теснина» (часть ущелья южнее с. Ларс) или Арвы ком — «Небесное ущелье». Первые возможные сведения о наличии оборонительного укрепления на данном пути могут содержаться, например, в сообщении Иосифа Флавия о том, что в 35 г. н. э. Иберия и Албания, склоняемые Римом для войны с Парфией, сами отказались воевать, но открыли «Каспийские воро-

та» (τας θύρας τας Κασπίας) для вторжения аланов (скифов) через свои земли (Jos. Ant. Jud. XVIII, 96-98). Тацит, называя участников тех событий сарматами, указывал, что иберы, владевшие той местностью, пропустили их «Каспийской дорогою» (Caspia via) (Tac. Ann. VI, 33-35). Нет никаких сомнений, что «Каспийские ворота» во владениях Иберии должны были представлять собой некое укрепление на пути через Дарьяльское ущелье, т. е. по «Каспийской дороге».

Но где более точно могло тогда находиться такое укрепление? Достоверно установлено, благодаря найденной возле Мцхета латинской надписи, что здесь в 75 г. римским императором Веспасианом для иберийского правителя Митридата, сына Фарасмана, были «укреплены стены» («построили крепость») [1, 66-69, № 129; 2, 101-103; 3, 11]. Ее расположение соотносится с сообщением Страбона, что из области северных кочевников, т. е. с Северного Кавказа, шел трудный трехдневный подъем, а потом четырехдневный спуск. Конечный участок этой дороги охранялся неприступным укреплением, называвшимся Гармозика (Strabo. XI, III, 5).

Важная информация содержится в труде Плиния (Plin. NH. VI, 30, 40). По его данным, к югу от истоков р. Терек находились «Кавказские ворота» (Portae Caucasiae), которые многие ошибочно называли «Каспийскими». Ворота укрепляли горный проход обитыми железом бревнами. На южном склоне хребта располагался замок Кумания, т. е. Кумлисия, Кумлис-цихе, который был построен, чтобы препятствовать прохождению бесчисленных племен, живших к северу от хребта. Здесь «Кавказские ворота», напротив города Армастиса, служили пределом римских земель, а за ними

жили свободные народы — горцы, двалы и сваны. Таким образом, речь идет об укреплении к югу от Главного Кавказского хребта, которое никак не может быть сопоставлено [4, 143; 5, 53; 6, 276] с укреплением на северном входе Дарьяльского ущелья [7, 156-161]. Считать, что у Плиния речь идет о Дарьяльской крепости с гарнизоном [8, 23], нет никаких оснований. Мнение несколько не поддерживается данными, приводимыми в исследовании [9, 339, комм. 667-651], на которое при этом ссылаются. Плиний особо оговаривал, что к «Воротам Иберии» (*Portas Hiberiae*), т.е. «Кавказским воротам», ошибочно применялось название «Каспийские» (*Caspias*), которое было представлено в его время на ситуационных картах. Плиний указывал, что упомянутые им ворота вели из Иберии в землю сарматов.

Прямым подтверждением указанной ситуации является эпитафия брата иберийского царя Митридата в Риме. Он прибыл в столицу империи, видимо, на помощь Траяну в 114-115 гг. и вскоре здесь скончался. Эпитафия [10, 75-76, № 192] в числе прочего сообщает о том, что его родина находилась у «Каспийских заповор» (*Κασπίας παρα κληθρας*) [11, 164; 12, 55]. Именно данные ворота должны были иметься в виду в приложении к деятельности Флавия Арриана в сообщениях Фемистия (IV в.) о том, что Флавий Арриан и Квинт Рустик «пересекали Каспийские ворота, изгоняли аланов из Армении и утверждали границы иберам и албанам» (*Them. XXXIV, VIII, 33*), и Иоанна Лаврентия Лида (VI в.) об известных римским писателям «Каспийских воротах», «...которые Арриан описывает с величайшим прилежанием в «Аланской истории» и, особенно, в восьмой книге своей «Истории Пар-

фии»», благодаря тому обстоятельству, что те места были в его ведении, ибо он управлял этой областью при превосходном Траяне» (*Lyd. De mag. III, 53*).

Свидетельство Плиния о выходе через «Кавказские ворота» к владениям сарматов указывает на противоположный географический пункт, который и соединялся с «Кавказскими воротами» («Ворота Иберии») столь важной транскавказской магистралью. Более точно о той ситуации позволяет судить «География» Птолемея, самые поздние сведения которой относятся ко второй четверти II в. Птолемей четко прослеживал границу между закавказскими Колхидой, Иберией и Албанией, с одной стороны, и Азиатской Сарматией, с другой стороны. Само определение границы весьма показательны даже с учетом несовершенной градусной сетки у Птолемея, в которой погрешность с широтой могла составлять более 5° и еще более с долготой, и явной схематизации при локализации тех же закавказских государственных объединений.

Упомянутая граница проходила к югу от Главного Кавказского хребта. Бокковой предел Колхиды помещается под координатой 75° — 47° (*Ptol. V, VIII, 7*). Далее предел шел по границе Иберии, где помещаются «Сарматские ворота» под координатой 77°–47°. Затем следует предел Албании (*Ptol. V, VIII, 11*). Далее, уже непосредственно определяя границы Иберии, Птолемей указывал, что Иберия ограничивается с востока Албанией по линии, доходящей до 77° — 47° (*Ptol. V, X, 1*). Таким образом, северный предел Иберии в своей крайней точке соединялся с границей Албании, и именно здесь находились «Сарматские ворота», замыкающие транскавказскую магистраль на южном направлении.

Сам Кавказ (Кавказские горы) Птолемей помещает между координатами 75° — 47° (северный предел Колхиды) и 85° — 48°. Если первая координата относится к южным склонам Кавказских гор, то вторая — к северным. Все это пространство относится к территории Азиатской Сарматии. И именно на северной части упоминаются еще одни «Сарматские ворота» с координатой 81° — 48°30' (Ptol. V, VIII, 14), которые и могут быть сопоставлены с более поздними сведениями о «Воротах алан» (Дарьял), запиравших Дарьяльское ущелье с северной стороны Кавказских гор. Помещение северных «Сарматских ворот» восточнее Дарьяла [13, 33] принять сложно. Вместе с тем, следует оговориться, что указание на наличие «Сарматских ворот» на северокавказской стороне прямо не свидетельствует о наличии здесь укрепления. Речь может идти о природном узком входе в Дарьяльское ущелье, который «открывал» его с севера.

Нет никаких оснований, как делают некоторые авторы [14, 9-10], не только включать в тот период в состав Картли Двалетию, располагавшуюся в верховьях р. Ардон, но и утверждать о включении всего Дарьяльского ущелья в Картли. Не может отождествляться [14, 19] и замок Кумания с Дарьяльским укреплением. Не посещал и Флавий Ариан Дарьяльское укрепление. Что касается «Албанских ворот» на карте Птолемея, то они не связаны с Дарьялом [15, 85-91].

«Картлис цховреба» Леонти Мровели XI в. приписывает сооружение южных ворот картлийскому царю Мирвану, персу по происхождению, правившему, видимо, на рубеже III-II вв. до н. э. Согласно летописи, Мирван разгромил дурдзуков, «вошел в Дурдзукети,

опустошил ее и Чартали. Затем воздвиг врата каменные и назвал их Дарубал». В древнеармянской версии Мрван «забрал Дуурдзук и Чартал, и врата на известковой кладу, что там были, — Дарбал». Исследователи справедливо замечают, что «ворота Дарубал» представляли собой заставу на рубежах Картли и Дурдзукети и не могут отождествляться с Дарьяльскими воротами [16, 31, 64-65, комм. 103, 66-67, комм. 107, 108].

Полагают, что южные укрепления у границ Иберии были построены селевкидским правителем Антиохом III Великим (223-187 гг. до н. э.), который на непродолжительное время добился господства в Восточном Закавказье в начале II в. до н. э. [17, 161]. Впоследствии, по мнению некоторых исследователей, Рим, заинтересованный в контроле над «Кавказскими воротами», строит крепость иберийскому царю Митридату, поскольку сами иберы были неопытны в строительстве подобных сооружений [11, 171-172]. Собственно, южные укрепления на границе Картли служили не только защите от вторжений с севера, но и военно-политическому противостоянию с Албанией и Арменией.

Обычно с вторжениями алан I — начала II вв. связывают сообщение «Картлис цховреба» о неудачном походе картлийцев и овсов в Армению. Впоследствии картлийцы и овсы объединенными силами стали наносить многие удары по Армении, а в одном из сражений захватили сына армянского царя Зарена. Овсы хотели убить его, но картлийцы заключили его в крепость Дариалан. У Мовсеса Хоренаци Зарех был заточен в некую безымянную крепость на Кавказе. Было предложено отождествление крепости с Дарьяльской крепостью [16, 35, 72, комм. 127], якобы первоначально

сооруженной грузинами [18, 132], или крепостью в Тагаурском ущелье [19, 59, комм. 136].

Сложно согласиться с такими отождествлениями и решениями. Странно бы было помещать царевича непосредственно возле жаждущих мести алан в Дарьяльской крепости. Кроме того, у Мовсеса Хоренаци противостояние относится к армянам и иверам без привлечения алан. Причем, армяне достаточно быстро силой возвращают себе царевича. Скорее, если события и имели место, то в них фигурировала крепость самой Картли, которая еще не могла никак получить персидское название. Кроме того, как следует из иных источников, район Дарьяльского укрепления отстоял далеко от собственно картлийских владений, отделяясь владениями независимых от Картли народов.

Некоторые исследователи полагают, что армянский царь Вагарш II (186-198 гг.) поручил охрану Аланских ворот правителям Гугарка, Гардмана и Сюника. В результате там был поставлен армянский гарнизон [20, 64-65; 21, 201]. Поводом к такой трактовке формально могли послужить сведения из труда Мовсеса Хоренаци (II, 6, 8). Однако в них нет никаких данных об Аланских воротах в таком контексте. Бдеашх Гугарка получал в наместничество северный край, который находился против горы Кавказ. Контролировать кавказские перевалы правитель должен был с южной стороны Кавказа, что вполне соответствует выше приведенным данным.

Общие сведения о призыве Вагаршем (Валаршак) племен не только гор и южных предгорий и равнин, но и северных предгорий Кавказа, поручение их мудрым мужам и надзирателям рисуют нам образ мудрого и сильного прави-

теля, но несколько не касаются Аланских ворот и не подтверждаются иными источниками в вопросе отношений с располагавшимся рядом с ними населением. Мовсес Каганкатваци (I, 4) кратко повторяет указанные сведения, вновь не давая повода к столь однозначным трактовкам. Исследователи считают, что охрана, в том числе, Дарьяльского прохода поручалась Армении по договору между Септимием Севером (198-211 гг.) и Валаршаком II (186-198 гг.). Поэтому контроль над центральнокавказскими перевалами и возлагался на бдеашха Гугарка [22, 246-247]. Договорные основания не могли оставить без четкого определения такого важного форпоста как Аланские ворота, если бы планировалось их охранять. Возникает и вопрос о самом наличии в тот период данного укрепления.

Агатангехоз сообщал, что армянский царь Хосров I Великий (222-238 гг.) для призыва войск гуннов открыл Аланские ворота (*drownk'Alanac', tac kleisouras twv Alanwn*) [23, 365-366]. Относить данные сведения к факту существования в то время Дарьяльского укрепления [6, 276] безоговорочно сложно. Источник относится к V в., что позволяло ему владеть информацией о таком укреплении. Но действительное положение для описываемых им событий могло быть связано с отмеченным контролем за транскавказским проходом с юга. Такое положение относится и к сообщению источника о проповеди Св. Григория Просветителя, в том числе до Аланских ворот и ошибочного указания на его же сведения у Мовсеса Хоренаци по поводу проповеди Св. Нино [23, 366, 380]. В данном случае речь могла идти и о географическом пункте.

Первые аутентичные и синхронные самим событиям сведения об Аланских

воротам (Alānān dar (ʾl'n'n BB'), Alānān bar (ʾl'n'n TR'), πν [λ] ο [v Αλα] νων) появляются в трехязычной (пехлеви, парфянский, греческий) надписи Шапура I в Кааба-и Зардушт ~ 262 г. и в пехлевиийской надписи верховного жреца Картира (между 276 и 282 гг.). Шапур I сообщает о провинциях своей империи, простирающихся «до горы Кавказа и Ворот аланов». Картир сообщает о назначении священнослужителей и об установлении им священных огней во всех областях, которые завоевал Шапур I «вплоть до Ворот аланов» [24, 19-26; 23, 443-447]. Таким образом, надписи свидетельствуют об установлении власти Сасанидской Персии над закавказскими государствами. В их числе была и Картли (Ивирия), попадающая под управление персидского шахрдара, когда и горные проходы, вплоть до своих северных рубежей, оказываются под контролем персов, что ранее не наблюдалось для владений самой Картли.

Всегда достаточно трудно сопоставлять с ранними историческими сведениями данные грузинских источников, что отражает их специфику. Но, видимо, с теми событиями как-то связаны сведения «Картлис цховреба» о неудачной попытке картлийского царя Аспагура (265-284 гг.) оказать сопротивление персам с помощью алан. В конечном итоге, впоследствии картлийцы подчинились, персы заключили договор, что все ворота, крепости и города были под властью персидских отрядов, одновременно не оставляя в Картли персидские отряды, которые наполнили иные закавказские пункты. Персы захватили ущелья кавкасианов, поставив везде своих правителей [16, 37-38; 25, 29-30, 133-135, комм. 27].

Именно тогда персы узнали о расположении к северу от Мцхета овсов,

к которым армянская версия «Патмутюн Врац» добавляет алан [23, 412], поскольку армянские источники называли аланами овсов грузинских источников. Таким образом, Аланскими воротами оказывается определена граница между владениями Персидской империи и аланами. Фактически, мы имеем дело с исторически первой фиксацией персидского названия, которое на все последующие времена станет названием центрального транскавказского перевала и ущелья. Но наличие здесь укрепления никак не прослеживается в источниках. Тот же Аспагур, пытаясь противостоять персам, открывал для вторжения с севера «Ворота кавкасианов», т.е., надо полагать, все те же «Кавказские ворота» Плиния. Получение персами сведений об аланах от картлийцев должно полагать, что непосредственных столкновений между персами и аланами на данном направлении не происходило.

Полагают, что после поражения Персии от Рима и заключения между ними мирного договора в 298 г. Трдат III Великий фактически воцарился над всей Великой Арменией, одновременно приступив к контролю и охране Каспийского и Дарьяльского проходов, что Рим традиционно возлагал на армянских царей. Но такое охранение логично полагается для оборонительной линии к югу от Главного Кавказского хребта, начинавшейся от Жинвали и тянувшейся к востоку [22, 139, 149]. Несомненно, данное положение никак не затрагивало северную часть Дарьяла. В скором времени возобновились и военные действия между империями, включавшими в противостояние и иные народы и государства.

Закавказье на долгое время превратилось в арену противостояния Персидской и Римской империй. В 384 г. (385

или 387 гг.) ими была разделена Армения. Тогда, в правление Вараз-Бакара II, согласно грузинским источникам, персы вторглись в Картли, дошли до Мцхета, создали свой опорный пункт в Тифлисе, превратив царство Картли в своего данника [26, 243-245]. Одновременно Закавказье испытывало на себе и тяжесть вторжений с территории Северного Кавказа, которые частью инспирировались империями и подвластными им закавказскими центрами в целях борьбы друг с другом. Но периоды активных военных столкновений, в которых участвовали и подвластные империям народы и царства, сменялись периодами мирных отношений. Империям приходилось и сотрудничать друг с другом в условиях нападений с севера на их владения одними и теми же врагами, как случилось, например, в 395 г. Поэтому переговоры по вопросу о создании укреплений в районах Дербента и Дарьяла, для чего Рим готов был платить Персии, велись еще при Феодосии I (379-395 гг.) [27, 87, п. 2].

Переговоры о мирном договоре велись и при Ездигерде I (399/400-421 гг.) [28, 143]. В 413-414 гг. Персия и Византия заключили мирный договор. Исследователи полагают, что он не в последнюю очередь касался обороны горных проходов на севере, через которые и совершались вторжения во владения империй. С данным условием сопоставляется свидетельство Иоанна Лаврентия Лида (Lyd. De mag. III, 52), что при персидском правителе Ездигерде I была достигнута договоренность с Византией, что обе империи, неся равные расходы, построят крепость, закрывающую горные проходы и препятствующую вторжению гуннов [29, 244-245]. Речь шла о построении крепости, которая и станет

известной как Дарьяльская крепость [26, 245-248].

Указанный договор определяет время практической выработки идеи о строительстве Дарьяльского укрепления как реакции на вторжения с территории Северного Кавказа в закавказские владения империй, которым необходимо было противостоять. В скором времени, надо полагать, Дарьяльское укрепление было возведено. Таким образом, мы имеем возможность установить в достаточно близком приближении время сооружения Дарьяльского укрепления. Оно должно относиться к периоду правления Ездигерда I после 413-414 гг., т.е., скорее всего, в промежутке между 413-414 гг. и 421 г. Надо иметь в виду, что именно при Ездигерде I между Персидской и Византийской империями сложились достаточно мирные и даже доверительные отношения.

При следующем персидском правителе Варахране V (421-438 гг.) отношения сразу ухудшились, и начались военные действия. Вместе с тем, договоренность по охране горных проходов продолжала действовать. По сообщению Иисуса Столпника, византийцы передавали персидским послам золото. Отказ византийцев от выплат при Феодосии II привел к войне 441 г., по итогам которой выплаты были получены [26, 252-253].

При персидском правителе Ездигерде II (438-457 гг.), согласно сведениям Лазаря Парпеци, надзор за Дарьяльским укреплением осуществлял ишхан армянского Сюника Васак Сюни, назначенный персами марзпаном Картли около 439-443 гг. Данное положение некоторые исследователи трактовали как армянское присутствие в укреплении, дававшее возможность установления армянами дружеских отношений с

аланами у Дарьяла [20, 59-60]. Однако, бесспорно, поручение вассалу Персии надзора за Дарьялом не означает осуществление такого надзора армянами. Нет здесь и особых отношений между Арменией и Аланией. Деятельность Васака Сюника по охране Аланских ворот с налаживанием отношений с их северными соседями являлось персидской политикой и служило интересам Персии [30, 38-39; 31, 44].

Следует также отметить, что у Лазара Парпеци, Себеоса, как и в других армянских источниках, наблюдается путаница Аланских ворот (drownk'Alanac') с Албанскими воротами [20, 41-42]. Данное положение связано, в том числе, с наблюдаемой в источниках путаницей самих алан и албан. Причиной тому могли служить общая локализация обоих народов на Кавказе, созвучность их названий, а также некоторые особенности в их написании на армянском языке.

Во время вспыхнувшего в 450 г. антиперсидского восстания, поводом к которому послужила попытка Персии насильственно обратить свои закавказские владения в зороастризм, в Дарьяле стоял сильный персидский гарнизон, а дорога к нему находилась под контролем марзпана Картли Себухта Нихоракана, представителя персидской знати. Против персидского гарнизона с целью его уничтожения направился Вардан Мамиконян. Восставшие (армяне, картлийцы и албаны) уничтожили гарнизон и расположили в укреплении собственные силы [31, 54]. Речь не может идти о восстании гарнизона, якобы состоявшего из армян, иверов и алан, в связи с войной персов с эфталитами, как решили некоторые исследователи [32, 51-52; 33, 88; 6, 276]. Вскоре персы вернули контроль над транскавказскими проходами.

В 451 г. гунны разрушили укрепление в Дарьяле и овладели им [31, 59].

Следует полагать, что вскоре персы восстановили крепость и свой контроль над нею. Согласно сведениям Егише, персидский правитель Пероз (457-484 гг.) открыл Ворота алан, через которые вывел многочисленные войска гуннов для борьбы с Албанией [23, 372]. Одновременно персы опасались возможности вторжения гуннов против их собственных владений. По сообщению Михаила Сирийца, в начале правления византийского императора Льва I (457-474 гг.) вновь началась византийско-персидская война, вызванная требованием Пероза соответствующих выплат, которые, в конечном итоге, персы получали [26, 253-254].

В 464 г. персидские послы требовали от Византии участия в поддержании крепости, либо деньгами, либо гарнизоном, чтобы персы не были обременяемы издержками и охраной. Послы указывали, что, если персы оставят укрепление, то окрестные народы станут опустошать не только персидские, но и византийские владения. Но византийцы посчитали несправедливым требовать с них деньги на содержание крепости [34, 88-89].

Видимо, положение крепости было, действительно, ненадежным. Уже в 466 г. гунны-сарогуры в союзе с гуннами-акатирами прошли через Дарьял и успешно грабили картлийские и армянские земли. В Византию вновь были отправлены персидские послы, которые вновь потребовали предоставления либо денег, либо людей для удержания крепости. Послы, как и много раз прежде, указывали, что именно постоянно воюющие персы не пропускают вторгавшихся далее во владения Византии. Но Византия вновь отвечала, что каждый

сам должен защищать свои владения и заботится о содержании войска [34, 94-95]. Отказ от выплат продолжился и в правление византийского императора Зенона (474-491 гг.) [26, 254].

Указанные события позволяют уточниться с проблемой строительства Дарьяльского укрепления. Обоюдное решение Персидской и Византийской империй о его строительстве, видимо, не было реализовано в изначально полагавшейся форме. Укрепление было построено одними персами в период правление Ездигерда I. При данном правителе и его приемниках персы сами обеспечивали его охранение. В разные периоды финансирование содержания крепости и гарнизона осуществлялось самими персами или при денежных выплатах Византии, которая периодически стремилась уходить от данных выплат. Такая позиция, видимо, обуславливалась сложными византийско-персидскими отношениями, выливающимися и в прямые военные столкновения, и общим нежеланием Византии усиливать позиции Персии в Закавказье.

Следует полагать, что опасения персов в отношении Дарьяльского укрепления были не напрасными. Видимо, несколько позже отмеченных событий оно перешло под контроль «гунна Амбазука». Была ли она захвачена «гуннами» штурмом, занята ими после ухода персидского гарнизона или в силу каких-то иных обстоятельств не известно. По сообщению Прокопия Кесарийского, «гунн Амбазук», владевший Дарьяльской крепостью, был другом византийцев и в 500 г. пытался продать крепость императору Анастасию (491-518 гг.) (Proc. Pers. I, 10, 9-12; 16, 4-5). Иранская этимология его име-

ни и археологические свидетельства о расположении в Придарьялье мощного аланского объединения позволили исследователям предполагать, что тогда укрепление находилось под контролем алан [35, 142, 360; 20, 58; 36, 104]. По крайней мере, можно говорить о том, что «гунн Амбазук» был связан с местной аланской элитой [37, 51]. Предположение, что «амбазуком» правителя называли персы [26, 267, сн. 384], должно быть отклонено в силу фиксации данного имени у аланских правителей еще в I в. н.э. Вскоре после смерти Амбазука персидский правитель Кавад I (488-531 гг.) вновь захватил крепость и изгнал из нее детей Амбазука. Ал-Баладури [23, 330] и Ибн ал-Факих ал-Хамдани [38, 11] сообщали об укреплении Кавадом I персидской оборонительной линии от Дербента до Дарьяла (Bāb al-Lān).

Исследователи обратили внимание, что после возвращения к власти Кавада I тот потребовал от Византии выплат. Император Анастасий обусловил такие выплаты заключением нового мирного договора. В 501 г. персы начали войну, которая продолжалась до 504 г. После начавшихся переговоров в 505 или 506 г. был заключен мирный договор. По сведениям Иоанна Лаврентия Лида (Lyd. De mag. III, 53), император Анастасий в знак своего благодеяния передал персам в качестве компенсации за их расходы Дарьяльское укрепление. Данное свидетельство и сопоставляется с историей «гунна Амбазука» Прокопия Кесарийского. Полагают, что в реальности византийский «дар» заключался в предоставлении Каваду I полной свободы действий и отказу в помощи детям Амбазука, который прежде был другом Анастасия [26, 263-268]. Захват Кава-

дом I Дарьяльского укрепления относят к 507 г. или 508 г. [39, 68]

Можно бы было полагать, что Амбазук захватил крепость в период персидско-византийской войны, пользуясь отвлечением персидских сил. Не исключено, что тем самым он независимо помогал своему другу Анастасию или побуждался самим Анастасием к такому захвату. Но, скорее, Амбазук захватил крепость в период временного отстранения от власти Кавада I — 498/499 — сентябрь 501 г., когда Персидская империя осталась без твердого управления. В данном случае также могли сказываться дружеские отношения с Византией. Впрочем, захват мог произойти и несколько раньше.

Исследователи полагают, что сведения мусульманских авторов об укреплении Аланских ворот персидским правителем Перозом могут соотноситься с тем, что Аланские ворота строил картлийский правитель Вахтанг Горгасал как номинальный вассал Сасанидов [26, 259]. К сожалению, мусульманские источники, якобы указывающие на укрепление Аланских ворот Перозом, остались без определения. Скорее всего, речь идет о сообщении ал-Табари о строительстве Перозом в области «Сул и алан» каменного крепостного сооружения, которое потом укрепил Хосрой камнем, выломанным в области Гурган. Исследователи полагали, что данное строительство производилось в районе, располагавшемся на восточном побережье Каспия [39, 44], т.е. речь может идти о каких-то азиатских аланах, что почему-то опускается в работах других исследователей [20, 80]. Впрочем, нельзя исключать, что в источнике сведены сведения о разных укреплениях. Было предложено и иное оригинальное решение, связанное для

алан не с Дарьялом, а с укреплением Северо-Западного Кавказа [40, 82-83].

Укрепление линии обороны от Аланских ворот до Дербента, с возведением многих городов, как уже отмечалось, относится к деятельности Кавада I [23, 330]. Что касается сведений о Вахтанге Горгасале, то, действительно, только в одном грузинском манускрипте указывалось, что Вахтанг «подчинил овсов и кивчаков и создал Овские врата, коих мы именуем Дариановскими. Воздвиг над ними высокие башни и поставил защитниками окрестных мтеулов для воспреещения прохождения царей многочисленных тамошних племен овских и кипчакских без повеления картлийского царя» [16, 90]. Собственно, мы имеем дело с позднейшей интерполяцией [23, 414, сн. 40].

Исследователи отмечали явную идеализацию и прямое преувеличение заслуг Вахтанга, т.к. Дарьяльские ворота функционировали задолго до него. Но в сообщении видят и рациональное зерно, которое выражается в указании на подчинение, а не на завоевание овсов, т.е. усиление позиций Картли на Северном Кавказе происходило преимущественно дипломатическим путем [16, 90-91]. Сведения о Вахтанге Горгасале происходят из произведения «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншеряне. Оно было составлено только в XI в., гораздо позже описываемых в нем событий. Отсюда и такие анахронизмы как присутствие кипчаков. Источник рисует несообразующиеся с действительностью грандиозные, а порой фантастические деяния правителя Картли. Но само царство Картли, например, согласно армянским источникам, было в то время незначительным и слабым в военном отношении, не имевшим сколь-нибудь

заметного влияния на Северном Кавказе, о чем свидетельствовали армянские источники [19, 42].

Собственно, Картли давно находилась в вассальной зависимости от Персидской империи. Попытки противостоять персам ничего не приносили. Тот же Вахтанг Горгасал более лавировал между Персидской и Византийской империями. Особые его «успехи» в борьбе с овсами также весьма сомнительны. Тот же знаменитый набег овсов в Картли, определяющий историю больших побед Вахтанга в Овсети в «Жизни Вахтанга Горгасала», как давно определили исследователи, был гуннским вторжением. Как мы знаем, именно вторжение активизировало требование персов к византийскому императору по поддержке Дарьяльского укрепления.

Время жизни Вахтанга Горгасала обычно определяется 40-ми гг. V в. –501 г. Однако более точно полагается, что он погиб во время вторжения персов в Картли в 491 г. [41, 196-197; 26, 198]. Но для этого периода, как мы знаем, Дарьяльское укрепление всегда находилось в руках персов, либо небольшой срок в руках «гунна Амбазука». Более того, владения Картли от Дарьяльского укрепления отделяли горы Кавказа, где жили народы, не подчинившиеся Картли. Таким образом, Вахтанг Горгасал не мог ни строить укрепление, ни ставить в нем гарнизон из местных горцев. Сведения «Жизни Вахтанга Горгасала» в отношении Дарьяльского укрепления следует признать выдумкой. В лучшем случае, картлийцы могли привлекаться персами для строительных или ремонтных работ в качестве рабочей силы или составления части гарнизона. Но крепость оставалась персидской и служила интересам Персидской империи, которым служили

и закавказские вассалы персов. Следует отказаться от необоснованной идеи [42, 67-68], что якобы Вахтанг вернул Дарьяльское укрепление, за которое и шла война.

Вскоре судьба Картли была радикально решена Персидской империей. В 523 г. Картли было запрещено иметь собственного суверенного правителя. В 532 г. Картли было поделено между Персией и Византией. Тогда же персы, согласно «Мокцевай Картлисай», списки которой датируются X и XI вв., значительно усиливают свои позиции непосредственно в горных проходах Кавказа: «...в особенности завладели Грузией, вошли в Кавказские горы и построили для себя врата Осетии, а именно: одни большие врата в самой Осетии, двое ворот в Двалии и одни врата в Парачвани Дурдзукском; поставили там тамошних горцев в качестве пограничной охраны, затем назначили одного человека начальником в Цанарском ущелье и подчинили ему. А когда пришел царь Ираклий, персы были сокрушены», «персы возвели также оборонительную стену Клисуре, когда они соорудили Ворота Овсети, и они ее сделали больше, чем Ворота Хазар» [43, 231-232; 44, 677; 30, 39; 25, 33; 45, 63].

Данные сведения подтверждаются сведениями армянской «Ашхарацуц» VII в., известной в списках краткой и единственной пространной редакций. В краткой редакции указывается: «Цанары, в земле которых проходы Аланский и Цекан». В пространной редакции: «Цанарка, в земле которых находятся ворота Аланские и другие ворота Кцекен, названные по имени народа» («Цанаров, у которых аланские ворота, и другие ворота, называемые Целкан») [46, 28, 30; 47, 17; 21, 93].

Таким образом, источники фиксируют положение с Дарьяльским укреплением на протяжении одного века. Горный проход оставался вне владений Картли, а его охрана передавалась под надзор правителя цанаров (корикоз, хорепископ). Цанары обычно локализируются в верховьях р. Терек и по южным склонам Главного кавказского хребта. Вопрос об их этнической принадлежности остается дискуссионным (древнегрузинская, древнедагестанская, древненахская), тогда как дальнейшая история народа будет связана с Кахетией, где произошла его ассимиляция грузинским этническим элементом.

Но данный вопрос не важен для нашей проблемы. Поручение надзора за охраной цанарскому хорепископу не означало, что цанары непосредственно проживали у Дарьяльского укрепления или сами составляли его охрану. Поэтому, видимо, если «Ашхарацуиц» включает укрепление в территорию цанаров, то «Мокцеваи Картлисай» — в территорию Осетии. Позднее у ал-Масуди царство Цанария помещается за Дарьяльским укреплением [48, 18; 27, 161-162], т. е. территория крепости не относилась к владениям цанар. Служба цанаров отвечала интересам Персидской империи и составляла неотъемлемую часть персидской политики. Предложенные персами цанарам условия были взаимовыгодны. Для цанаров они служили, кроме вероятного важного источника доходов, основанием для консолидации в условиях повышения собственного престижа в регионе. Персы же решали не только вопрос с усилением своего контроля над проходом за счет привлечения на свою

сторону населения, адаптированного к местным природно-географическим условиям, но и вопрос с ненадежностью Картли.

То, что Дарьяльское укрепление являлось персидской твердыней, указывают другие источники. Себеос сообщал, что Хосров I Ануширван (531-578 гг.) укрепил, запер Аланский проход [30, 36; 20, 81; 21, 95]. Ал-Баладури также указывал, что персидский правитель наряду со многими другими местами укрепил Баб ал-Лан, построил там крепость [23, 330]. О постройке им крепости сообщали Ибн ал-Асир, Ибн ал-Факих ал-Хамдани и Ибн Хордадбех [49, 10; 38, 15; 50, 109].

О том, что именно персы оставались владельцами Дарьяльского укрепления, могло бы указывать сообщение Менандра о заключенном в 561 г. персидско-византийском договоре, по которому персидский правитель обязывался препятствовать проходу других народов во владения византийцев через ущелье прохода Хорузон и через Каспийские Ворота. Если одни исследователи полагают, что речь идет о Дербенте или иных проходах с Северного Кавказа, то другие не исключают отнесение сведений непосредственно к Дарьялу [23, 253, 255]. Возможно, сведения о Дарьяльском укреплении повлияли на поэтическое упоминание Фирдоуси, что аланы без боя покорились Хосрову I Ануширвану, обязуясь построить замок и высокие стены [51, 2]. Конечно, мы имеем дело с поэтической вольностью автора, для которого некоторые исторические реалии служили лишь предлогом для создания собственных эпических картин.

1. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. Составил для V-го Археологического съезда в Тифлисе И. Помяловский. СПб., 1881.
2. Латышев В. В. Заметки о кавказских надписях (с 1 табл. и 3 снимками надписей) // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1904. Вып. 10. С. 98-105.
3. Ростовцев М. И. Новые латинские надписи с юга России (с 1 табл. и 3 снимками) // Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1909. Вып. 33. С. 1-22.
4. Кузнецов Н. Дариал и Дариальское ущелье // Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. X. Полупом 19. С. 143.
5. Кузнецов В. А. Аланы и Кавказ: Осетинская эпопея обретения родины. Владикавказ, 2014.
6. Сланов А. А. Дарьяльская крепость // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции (Москва, 21-25 апреля 2014 г.). М., 2014. С. 276-279.
7. Муравьев С. Н. Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа // Вестник древней истории. 1988. № 1 (184). С. 156-161.
8. Ахмадов А. З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2016. № 2 (31). С. 20-30.
9. Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011.
10. Cagnat R. Inscriptions Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris: Ernest Leroux, Editeur, MDXXXI.
11. Амиранишвили А. И. Иберия и римская экспансия в Азии (К истории древней Грузии) // Вестник древней истории. 1938. № 4 (5). С. 161-173.
12. Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Мцхета. Итоги археологических исследований. I. Археологические памятники Армазис-хеви по раскопкам 1937-1946 гг. Тбилиси, 1958.
13. Гаджиев М. С. Кавказская Албания и Дагестан: историко-географический и административно-политический аспекты // Albania Caucasia: Сборник статей. М., 2015. Вып. I. С. 28-41.
14. Gagoshidze I. Kartli in Hellenistic and Roman Times. General Aspects // Iberia and Rome. The excavations of the palace at Dedoplist Gora and the roman influence in the Caucasion kingdom of Iberia (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 13). Langenweißbach, 2008. P. 1-40.
15. Licini P. Surveying Georgia's Past. On the Use of Cartographic Sources for Caucasian History // Annali di Ca'Foscari. Serie Orientale. Guigno, 2017. Vol. 53. P. 61-153.
16. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М., 1979.
17. Гумба Г. Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли // Кавказ: история, культура, традиции, языки: По материалам Международной научной конфе-

ренции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа (АНА 28-31 мая 2001 г.). Сухум, 2004. С. 154-169.

18. Новосельцев А. П. К истории аланских городов // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Т. II. С. 132-136.

19. Габриелян Р. А. Армянские источники об аланах (Документальные материалы и комментарии). Вып. I // Научно-информационный бюллетень общественной науки в Армянской ССР. Ереван, 1985. Серия I. № 3 (45).

20. Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения (I-X вв.). Ереван, 1989.

21. Габриелян Р. А. Армянские источники об аланах. Ереван-Владикавказ, 2001 // Научный архив СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 310.

22. Гумба Г. Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетия до н. э.). Сухум, 2016.

23. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

24. Ньюли Г. Название алан в сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противостояния Ирана внешнего и Ирана внутреннего. Владикавказ, 2002.

25. Гаглойти Ю. С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.

26. Мишин Д. Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М., 2014.

27. Minorsky V. A History of Sharvān and Darband in the 10th — 11th centuries. Cambridge, 1958. VII+187+32 p.

28. *Incerti Auctoris Chronicon Pseudo-Dionysianum vulgo dictum. I // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 91. Scriptorum Syri, 43. Paris, 1927.*

29. *Ioannes Lydus // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, MDCCCXXXVIII. LXIV+434.*

30. Еремян С. Т. Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов // Известия Академии наук СССР. Армянский филиал. 1941. № 7 (12). С. 33-40.

31. Еремян С. Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450-451 гг. // Вестник древней истории. 1951. № 4 (38). С. 41-60.

32. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

33. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

34. Дестунис С. Г. Сказания Приска Панийского // Ученые Записки Второго Отделения Императорской Академии Наук. СПб., 1861. Кн. VII. Вып. 1. С. 1-112.

35. Ванев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1989. Т. I.

36. Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Пущино, 2005.

37. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

38. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. II. Ибн-ал-Факих. Перевод и примечания Н. А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1902. Вып. XXXI. Отд. I. С. 1-57.

39. *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941.
40. *Harmatta J.* The Wall of Alexander the Great and the Limes Sasanicus // *Bulletin of the Asia Institute. Studies in the Honor of Vladimir A. Livshits.* 1996. Vol. 10. P. 79-84.
41. *Цулая Г. В.* Джуаншер Джуаншеряни и его исторический труд // *Цулая Г. В. Силуэты Грузии — 1.* М., 2007. С. 157-280.
42. *Тогошвили Г. Д.* Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ, 2012. Т. I.
43. *Мкртумян А. Г.* К вопросу об образовании феодального княжества Кахетии // *Историко-филологический журнал.* 1872. № 1 (230). С. 230-234.
44. *Alexidzé Z.* La Construction de la ΚΛΕΙΣΟΥΡΑ d'après le nouveau manuscrit sinaïtique No. 50 // *Travaux et Mémoires du Centre de Recherché d'histoire et civilization de Byzance. Monographies.* Paris, 2000. Т. 13. P. 673-681.
45. *Гаджиев М. С.* Хумара: некоторые строительные параллели и проблема датировки укреплений // *Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова: Сборник статей.* М., 2013. С. 51-65.
46. *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // *Журнал Министерства Народного Просвещения.* СПб., 1883. Ч. ССХХVI. С. 21-32.
47. *Габриелян Р. А.* Армянские источники об аланах (Документальные материалы и комментарии). Вып. II // *Научно-информационный бюллетень общественной науки в Армянской ССР.* Ереван, 1985. Сер. 2. № 4 (46).
48. *d'Ohsson C.* Des Peuples du Caucase et des Pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne, dans le dixième siècle, ou Voyage d'Abou-el-Cassim. Paris, 1828.
49. Из *Тарих-ал-Камиль* (Полного свода истории) *Ибн-ал-Асира.* Перевод П. К. Жузе // *Материалы по истории Азербайджана.* Баку, 1940.
50. *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты *Наили Велихановой.* Баку, 1986.
51. *Alemanu A.* Sixth Century Alania: between Byzantium, Sasanian Iran and the Turkic World // *Transoxiana. Journal de Estudios Orientales. Ērān und Anērān. Webfestschrift Marshak,* 2003. Pp. 1-8 [электронный ресурс]. URL: <http://www.transoxiana.com.ar>